

И. Р. Федорова

МОДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕКСЕМ-НОМИНАЦИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА*

На материале древнерусского языка в русле интерпретации модальности возможности как семантической категории аргументируется расширение списка репрезентантов возможности за счет лексем, не специализированных в данной функции, но имеющих безусловный модальный потенциал.

The article analyses Old Russian language in the framework of the interpretation of possibility modality as a semantic category. The author justifies the extension of possibility representatives list by non-specialized lexemes that reveal strong modality potential.

Ключевые слова: модальность, возможность, древнерусская литература.

Keywords: modality, possibility, Old Russian literature.

Модальность возможности имеет в русском языке весьма разветвленную систему средств экспликации, относящихся к различным языковым уровням. Центральные и эксплицитные средства выражения модального значения возможности (далее — МЗВ) достаточно хорошо изучены: это, как известно, модальные глаголы и предикативы, имеющие при себе зависимый инфинитив. Косвенные экспликативы, представляющие МЗВ вне сочетаний с предикцируемым инфинитивом, менее исследованы, к ним, как правило, относят средства грамматического контекста [1, с. 54].

Однако «скрытых» и недискретных средств реализации МЗВ намного больше, ведь модальность, будучи разновидностью оценки, пронизывает всю систему языка и обретает самую разнообразную речевую реализацию. В этой связи несомненный интерес для лингвистического анализа представляют лексемы, имеющие в структуре значения семантический признак модальности возможности [2, с. 54] и потому способные выступать неявными репрезентантами МЗВ (не случайно словарные дефиниции подобных лексем интерпретируют их значения посредством модальных операторов)¹.

В рамках данной статьи обратимся к анализу указанных косвенных экспликативов возможности, представленных в древнерусской письменности, и рассмотрим фрагмент лексической группы, объединенной частным модальным значением «быть способным, уметь совершить действие, так как иметь для этого достаточно (много) ума, мудрости,

* Статья подготовлена в ходе осуществления проекта Российского гуманитарного научного фонда № 09-06-00172-а «Модальность как универсальная категория в современном научном познании: соотношение традиционных и новейших исследовательских подходов».

¹См., напр.: «ум — 1. Способность человека мыслить...» [9]; «предусмотрительный — способный предвидеть возможные последствия...» [4].

знаний». Речь пойдет, таким образом, о номинациях ситуации «внутренней возможности», связанной со сферой интеллектуальных способностей человека.

Среди контекстов, которые содержат указание на степень проявления умственных способностей, наиболее частотными являются употребления существительного *умь*. Не останавливаясь на их характеристике, отметим, что ум как когнитивная функция человека находил в древнерусском языке двойственное отражение: с одной стороны, *добрый ум* считался *великим богатством*, одухотворенный и *совершенный в разуме* человек назывался *велико-, высоко- и благоумным*, с другой — непомерная заносчивость ума (так называемые *умствования*) и высокое самомнение наделенных тщеславным, *уклоненным* от праведности и *омеркшим* умом осуждались как проявления гордыни и отсутствие *смирения* ума (см. об этом подробно в [3]). Лексема *умь* и ее производные, представленные в древнерусских текстах, отличались высокой словообразовательной продуктивностью, при этом большое число контекстов характеризовалось отсутствием четкой демаркации в выделении отдельных ЛСВ ввиду имманентной спаянности в семантической структуре данного слова смысловых компонентов 'интеллектуальное' и 'нравственное, духовное'. Последнее обстоятельство является фактором, обеспечивающим недискретный характер модальной семантики, реализуемой данной лексикой.

Интеллектуальные способности субъекта были представлены в древнерусском языке и другими корневыми группами, в частности лексемами с общим корнем *-мудр-*. Прилагательное *мудрый*, имплицитно представляющее модально осложненную пропозицию «тот, кто способен... (рассудить, понять, принять верное решение и под.)», функционировало в русском языке XI–XVII вв. в четырех значениях: «1. Проявляющий ум, сметливость, хитрость в чем-л. 2. Умудренный опытом, знающий, мудрый человек. 3. Исполненный мудрости, основанный на благоразумии. 4. Замысловатый, сложный, трудный» [6]. Примечательно, что семы 'хитрость' и 'сметливость' входили в ядро семантической структуры древнерусского прилагательного, в то время как интерпретация современной лексемы *мудрый* обнаруживает присутствие этих сем лишь на периферии значения. Актуальность для истории слова «мудрый» семантических компонентов 'хитрость', 'лукавство, плутовство'² мотивируется его этимологией: среди родственных — лит. *mandrús* «бодрый, гордый, задорный», д.-в.-н. *muntar* «ловкий, живой, бодрый» [8]. В то же время этимологические истоки данной лексемы определялись и иными смысловыми «зернами» — теми, из которых впоследствии «проросло» значение «основанный на добре и истине, праведный; в высшей степени благоразумный и благонамеренный» [5]: см. др.-инд. *mandhātár* — «благочестивый», а также особенности валентности: *благомудрый, благоответная мудрость, смиренномудрый, богомудрый* и под. Характерно, что этимологические корни *мудрый* содер-

² См. одно из значение слова *мудрость*: «4. Хитрость, лукавство, плутовство» [6]; отсюда и контексты с негативно оцениваемой *мудростью*: *сумудрое умышление, мудрость вн @иня, лжемудрость* и под.

жат и собственно модальную сему — ср. алб. *tund* «могу, побеждаю» [8], и этот факт еще раз подтверждает правомерность включения мудрости, мудрость в число косвенных экспликаторов модальности возможности. Нередко в рассматриваемых репрезентациях МЗВ употребляются устойчивые обороты *исполнень мудростию, украшен (пре)мудростию*, а также создается эффект смысловой концентрации за счет использования синонимов лексемы мудрость: *Чюдныи дидаскаль исполнь мудрости и разума* (Ж. Стеф. Перм.); ср.: *наделен большим умом, способен поступать мудро. И ркоша гр @ци, мы не дужи противу вамъ стати, но возми на нас дань... се же ркоша гр @ци, л @стяче подъ Русью, суть бо гр @ци мудри и до сего дни* (Ипат. лет.); ср.: греки суть мудры — греки хитры, способны перехитрить, обмануть.

Опосредованное, косвенное указание на способности субъекта, представленное прямой репрезентацией его свойств, присутствует и в других, весьма многочисленных, древнерусских прилагательных и причастиях, объединенных семами 'ум', 'знание'.

Съмысленны в значениях «разумный, умный», «понятливый», «рассудительный», «мудрый» [7], «знающий», «духовный» [6] аккумулирует в своей семантике различные нюансы «внутренней» возможности и является чрезвычайно емким как по языковому значению, так по речевому смыслу: *И вид @в ю царь zelo добру лицеем, и в бес @довании смылену, и разумом украшену* (Сказ. о кн. Ольге); ср.: умеющую рассуждать, отвечать, парировать... *И удивися царь таковому ево разуму и многоразумному ево мудрому отъвету, — борзо токово смышенъ* (Пов. о Басарге); ср.: остр умом, находчив; см. также характерное для древнерусской книжности «нагнетание» близких по семантике слов: *разуму, многоразумному, мудрому, смышену*. Нередки в текстах и обороты с существительным смысль, актуализирующие значения «разум», «способность рассуждать»: *Мужа бо чюдна обр @те, съвершена смыслом з @ло и многоразумна...* (Киев.-Печ. пат.) = совершенного в рассуждении. *...еже въ млад @ телесе старъ смысль показа* (Ж. Серг. Рад.) = проявил разум и мудрость, достойные старца. Нельзя не отметить и модальный потенциал однокоренного глагола смыслити («понимать», «соображать», «знать»), с регулярностью обнаруживаемый в оборотах *добр @ смыслити, смыслить в чем-л.*, но наиболее ярко проступающий в сочетаниях с зависимым инфинитивом: *И преже вшествиа в манастирь исц @л @ и добр @ нача смыслети* (Киев.-Печ. пат.) = стал все хорошо понимать, открылась такая способность. *Мне, отцу своему, пособить не смыслишь...* (Пов. о Басарге); ср.: помочь не сообразишь, не догадаешься.

В сходной функции выступала в древнерусском языке лексема искусный (искусень), имевшая бо́льшую частотность употреблений, чем прилагательное смыслень, однако в преобладающих контекстах представлявшая ЛСВ «1. Испытанный, надежный. 2. Умелый, опытный, искусный». И лишь в небольшой части реализаций *искусный* означало «3. Осведомленный, сведущий, знающий» [6], актуализируя интеллектуальную возможность в аспекте «вкусивший» премудрости книжной и особенных знаний, доступных лишь «посвященным». В данной функции лексема обычно управляла формой косвенного падежа (*искусен священнаго Писания, искусен в книжном разуме, искусен духовными книгами*),

хотя могла определять существительное или субстантивироваться: Он же презре словес силу, глаголемыхъ Богомъ, ли не разумъ ѿ, отнюдь бо б ѿ симъ не искусень сы, рожения бо до конца буквенныхъ стезь ученими не стрывая (Времен.); ср.: пренебрег силой слов, сказанных Богом, или не знал их, ибо был совсем несведущ в этом. ...оба мужие были так искусны в книжном разуме православных догмат, иже все священныя писания во устѣх имѣли (Ист. о кн. Моск.). Синонимами *искусный* в значении «сведущий» в ряде контекстов являлись *изящный*, *худогый*.

Модально отмеченные значения «разумный», «ученый», «искусный» [6] были представлены в древнерусской книжности и прилагательным *хытрыи*: ...б ѿ бо и самъ игумен хитръ Божественнымъ книгам и вся свѣдѣи и проходя (Ж. Авр. Смол.); ср.: был начитан, способен процитировать и истолковать. *Есть мужъ в Селуне, именовъ Левъ, у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра дѣва сына у него философа (ПВЛ) = ученых, т.е. имеющих соответствующие знания и способности. Аналогичные модально отмеченные контексты имеет существительное *хытрость*. Ведущим его значением в древнерусском языке было «искусство», но в других ЛСВ выделялись интересующие нас семы «ум, разум», «умение», «знание». Ср.: И потом царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшена всякою философскою хитростью и словом и дѣлом... научи сего отрока словеснымъ хитростем (Александр.). Отметим, что оценочный компонент значения данных слов являлся энантиосемичным: хитрость в Древней Руси маркировалась как со знаком «плюс», так и с негативной оценкой³: *Благохитрый Богъ инако ея наказалъ...* (Ж. Аввакума). *А иное мнѣ и молвить твою сором, что вы дѣлаете, знаю все ваше злохитрство* (Авв. Кн. бес.). В отдельных контекстах хитръ становилось модификатором при инфинитиве и тогда максимально ярко обнаруживало свою модальную природу: *Б ѿ бо блаженный хитръ почитати, дастъ бо ся ему благодать Божия не токмо почитати, но протолковати* (Ж. Авр. См.).*

Способность рассуждать, обладание умом и благоразумие как частные значения способности человека к мыслительной деятельности представлены в семантике древнерусских слов *разсудливъ*, *разсудителень*, *доброразсудныи*, *разсуждение*: *и начаша совѣтовати отаи насъ, мнѣше насъ неразсудныхъ суще...* (Перв. посл. Грозн.); ср.: считая нас неразумными, не способными рассудить, понять.

Несобственно модальные лексемы *наказан(ыи)*, *научен(ыи)*, *учен(ыи)*, *навычный* (*навыкший*, *извыкший*), *грамотный*, *книжныи* также употреблялись в модальной функции, реализуя в контексте значение «хорошо знать», «быть обученным, сведущим» и выступая, как правило, в предикативной роли: ...б ѿ бо зело изъучень премудрости и всякаго философскаго естествословия наказан (Хроногр. 1617 г.) = в совершенстве освоил он науки и был обучен естествословию. *Евдокию священныхъ писаний искусную и пѣния божественного всего навыкшую* (Ист. о кн. Моск.); ср.:

³ В современном русском языке негативная оценочность, как известно, прочно закрепилась за этими словами, историческая «память» о позитивной оценке *хитрый* сохранилась лишь в разговорных ЛСВ «отличающийся изобретательностью, *искусный*».

знавшую божественное пение, умеющую петь такие тексты. *Слышавъ сия, никако же не смутися, ни усумнѣся и, некнижна суици, умудрися* (Сказ. о кн. Ольге) = не будучи ученой, стала мудрой. С большей акцентуацией модальный компонент представлен в семантике причастия *научен(ыи)*, которое могло занимать место модификатора при предикцируемом инфинитиве: *Научен еси съ государьми великими говорить, прочии же да не дерзнуть* (Сказ. о Драк.) = умеешь, способен достойно отвечать.

Отдельно следует отметить лексемы и обороты, репрезентирующие более частные значения «интеллектуальной» возможности:

– «обладающий способностью к красноречию, к убедительной, риторически организованной речи»: хитро-, сладкорѣчивъ, словесень, сладкогласень. Напр.: *Бысть же словесен мужь и хитроръ ѿчивъ, но не сладкогласень* (Хроногр. 1617 г). Модальный потенциал прилагательного *словесень* определялся и тем обстоятельством, что оно могло выступать в широком значении «разумный, наделенный разумом»: *Понеже яко безсловеснымъ естъ надлежитъ чювствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ совѣтомъ и разсуждением* (Ист. о кн. Моск.) = всем наделенным разумом. Эти же значения актуализировали существительное словество («1. Разум, разумение. 2. Дар речи; красноречие; ораторское искусство» [6]) и обороты *имѣти даръ слова*, *имѣти (благодать) во устѣхъ*, *быти словомъ украшену*;

– «острый, быстрый умом, сообразительный». Это слова с первой частью *борзо-* и *остро-* (-смысленны, -зрительныи, -речивыи, -смотрительныи), а также лексемы *смотрение* и *смотрительныи*: *Бысть бо убо человекъ ѿкъ ко книжному прочитанию борзозрителень* (Хроногр. 1617 г.) = быстро схватывал все, что прочел в книгах *...предсѣданиемъ словес учитель препираше, и философъ уста смотрениемъ заграждаше* (Ж. Дм. Ив.); ср.: *остротой ума, рассудительностью заграждал уста философамъ*;

– «незаурядный, необыкновенный по степени проявления способности к мыслительной деятельности». Эта группа включает прилагательные *доволенъ*, *гораздъ*⁴, *великъ*, *многоъ*, *силень*, *совершенень*, *чудень*, *дивень*, а также наречия *добрѣ*, *зѣло* и т. п., имплицитно семантику «интеллектуальной» возможности при контекстуальной «поддержке» соответствующей лексикой (*книги, философия, разум, рассуждение, писать, советовать* и т. п.): *Начят стихословити зѣло добрѣ и от того часа гораздъ бысть зѣло грамотѣ* (Ж. Серг. Радонеж.). *...в научении книжномъ доволенъ, дерзостень и многоръ ѿчивъ зѣло...* (Летопис. кн.). *не токмо внѣшней философии искусны, но и во священных писанияхъ силны...* (Гр. посл. Курб.). Способность данных лексем к актуализации МЗВ обусловлена наличием в структуре их значений семантического признака «в большом количестве» – признака, который играл доминирующую роль и в формировании смыслового ядра значения возможности (ср. мочь: чеш., словц. тос «масса, очень много», лит. *ma, gulas* «многий»).

Рассмотренные контексты с косвенными, периферийными средствами выражения МЗВ репрезентируют ситуацию, в которой предметный признак обозначен одновременно и как явный, фактический, и как существующий в потенции, всегда готовый проявиться. Семантика

⁴ *Доволенъ* и *гораздъ* могли выступать модальными модификаторами. См. [1, с. 52].

возможности в подобных высказываниях имеет выводной характер: указаны свойства субъекта и тем самым определены его способности. Обращает на себя внимание факт безусловного многообразия древнерусских импликаторов МЗВ (что подтверждает гипотезу об исконной актуальности значения возможности для русского языкового сознания [2, с. 81]), а также тематико-контекстуальная закреплённость функционирования данных лексем (*постижение духовной книжности*), вполне коррелирующая с культурно-историческими доминантами Древней и Московской Руси.

Список источников

- Авв. Кн. бес. — *Аввакум*. Из «Книги бесед» // Памятники литературы древней Руси (ПЛДР). XVII в. Книга вторая. М., 1989.
- Александр. — *Александрия* // ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982.
- Времен. — Из «*Временника*» Ивана Тимофеева // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987.
- Ж. Авв. — *Житие* протопопы Аввакума // ПЛДР. XVII в. Книга вторая. М., 1989.
- Ж. Авр. См. — *Житие* Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР): в 20 т. СПб., 1997. Т. 5.
- Ж. Дм. Ив. — *Слово* о житии великого князя Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV — середина XV в. М., 1981.
- Ж. Серг. Радонеж. — *Житие* Сергия Радонежского // Там же.
- Ж. Стеф. Перм. — *Житие* Стефана Пермского // Хрестоматия по истории русского языка / авт.-сост. В. В. Иванов и др. М., 1990.
- Ист. о кн. Моск. — *Курбский А.* История о великом княжестве Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1986.
- Киев.-Печ. пат. — *Патерик* Киево-Печерского монастыря // Памятники славяно-русской письменности. СПб., 1911. Т. 2.
- Летопис. кн. — *Шаховской С. И.* Летописная книга // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987.
- ПВЛ — *Повесть* временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1.
- Перв. посл. Ив. Гр. — *Первое* послание Ивана Грозного А. Курбскому // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1986.
- Пов. о Басарге — *Повесть* о Басарге и сыне его Борзосмысле // ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982.
- Сказ. о Драк. — *Сказание* о Дракуле // Там же.
- Сказ. о кн. Ольге — *Степенная* книга. Сказание о княгине Ольге // ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985.
- Тр. послан. Курб. — *Курбский А.* Третье послание Ивану Грозному // ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1986.
- Хроногр. 1617 г. — Из *Хронографа* 1617 года // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987.

Список литературы

1. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект): учебное пособие. Калининград, 1993.

2. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет): учебное пособие. Калининград, 2000.
3. Федорова И. Р. Древнерусские лексемы *умь, разумь, (недо)ум @ти*: модальный потенциал и особенности функционирования // Семантика: слово, предложение, текст: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2007. С. 66–83.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.
6. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1975–1994.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895–1912.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984.

Об авторе

И. Р. Федорова – канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, irinaruslanovna@yandex.ru

Author

Dr. I. Fyodorova – Associate Professor, IKSUR, irinaruslanovna@yandex.ru